

Mandát, Jaroslav

Письма С. Гусева-Оренбургского к чешскому переводчику

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. D, Řada literárněvědná. 1966, vol. 15, iss. D13, pp. [139]-144

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/108505>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЯРОСЛАВ МАНДАТ

ПИСЬМА С. ГУСЕВА-ОРЕНБУРГСКОГО
К ЧЕШСКОМУ ПЕРЕВОДЧИКУ

В центральной библиотеке философского факультета Университета имени Я. Э. Пуркине в г. Брно (Чехословакия) хранятся 36 писем, принадлежащих 22 русским писателям конца XIX—начала XX вв. Адресатом и бывшим владельцем этих писем¹ был чешский историк и переводчик русской литературы Августин Алоиз Врзал (1864—1930), выступавший в печати чаще всего под псевдонимом А. Г. Стин.

Мировоззрение А. Врзала, посвятившего почти всю свою жизнь изучению русской литературы и содействовавшего ее распространению среди широких читательских кругов, формировалось как раз в то время, когда чешскую общественную жизнь конца XIX—начала XX века раздирала ожесточенная внутренне-политическая борьба. Под влиянием противоречий в национальной и политической борьбе и современной русской общественной мысли в чешской славистике и русистике данного периода возникает несколько идеологических течений.² А. Врзал попал в сферу влияния консервативного направления уже в свои гимназические годы (1876—1884) в г. Пршерове. Большую роль в этом деле сыграл тогдашний учитель А. Врзала Франтишек Билы, известный в свое время консервативный историк чешской литературы и литературный критик.³ По совету того же Фр. Билого, уроженца г. Брно, А. Врзал постригся в монахи в монастыре бенедиктинского ордена в Райграде (в 12 км от Брно).

Сохранившаяся корреспонденция райградских бенедиктинцев⁴ свидетельствует о их живых связях с многими видными учеными-славистами и культурными деятелями XIX века. Среди писем находятся, между прочим, письма основоположника чешской славистики И. Добровского, чешского историка Фр. Палацкого, Ерн. Копитара, Фр. Миклошича, Ю. Фейерлика, Фр. Пастрнека, чешских писателей В. Галека и Я. Неруды и др.

Некоторые ученые-монахи монастыря в Райграде лично посетили Россию, сотрудничали с русскими культурными учреждениями и т. п. Одним из них был моравский историограф Беда Дудик (1815—1890). Сохранились его письма из Петербурга брату Антонину, далее письмо к Б. Дудику дирекции Публичной библиотеки в Петербурге (ныне: Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) от 23 декабря 1878 года. В этом письме одна из крупнейших русских библиотек благодарит райградского ученого монаха за оказанную им помощь в деле обогащения ее книжных фондов. Не менее интересным с нашей точки зрения является письмо русского посольства в Вене к Б. Дудику (с 1871 года). В этом письме секретарь посольства Нелидов просит Б. Дудика

расписаться в получении им подарка от русского царя Александра II за его труды по истории древних славян. Оно свидетельствует о политической ориентации и природе русофильства райградских монахов.

Как видно уже из вышесказанного, А. Врзал нашел в монастыре в Райграде до известной степени подготовленную почву для дальнейшего развития и углубления своих интересов в области изучения русской литературы. Другое дело, однако, что его понимание русской общественной и культурной жизни исходило, под влиянием окружающей его обстановки, из идеологии католической церкви и ее политических интересов. Окончив богословский факультет в г. Брно (1884—1889), А. Врзал долго служил приходским ксендзом в окрестностях г. Брно (1893—1929). В это время он все более эволюционировал в сторону правого крыла чешской буржуазии. Начав с довольно одностороннего объяснения явлений русской, особенно современной ему, литературы, А. Врзал кончил полным извращением подлинной идейно-художественной сущности русской литературы в годы после первой мировой войны. К идеологии чешских и русских либералов и идеологии русского революционного движения конца XIX—начала XX вв. А. Врзал относился отрицательно.

Консервативная природа идеологических позиций А. Врзала проявилась очень рано. Издавая в 90-х годах прошлого века свою книгу *История русской литературы XIX века* (1892—1897), написанную прежде всего на основе работ А. М. Скабичевского, А. Врзал счел нужным высказать свое несогласие с идеологическими взглядами этого русского историка литературы и литературного критика. В послесловии к своей „Истории“ он назвал А. М. Скабичевского „либеральным прогрессистом“ и „несносным либералом“.⁵ Критика А. М. Скабичевского А. Врзалом является, правда, критикой справа.

Особенно нетерпимое отношение проявил А. Врзал к нарастающему революционному движению в России конца XIX—начала XX века. Он знакомится на рубеже двух столетий с ранними рассказами С. Гусева-Оренбургского из жизни православного духовенства, начинает их переводить на чешский язык и вступает в переписку с их автором. Стоит упомянуть, что замечательные рассказы С. Гусева-Оренбургского из жизни бедного русского крестьянства (напр., рассказы *Агасфер*, *Сквозь преграды* и др.) не привлекли внимания чешского переводчика. Несмотря на односторонний подход А. Врзала к творчеству С. Гусева-Оренбургского, идейное столкновение между ним, идеологом католической церкви, и русским писателем, идейные взгляды которого испытывали непосредственное влияние русского революционного движения конца XIX—начала XX вв., было неизбежным. О начале этого столкновения свидетельствуют и нижепубликуемые письма С. Гусева-Оренбургского.

А. Врзал печатал свои переводы рассказов С. Гусева-Оренбургского в разных чешских журналах. Вскоре он решил издать некоторые из них отдельной книжкой. Для написания предисловия к задуманному сборнику ему нужны были сведения о жизни и творчестве русского писателя. Он обратился с просьбой к С. Гусеву-Оренбургскому через редакцию *Журнала для всех*. Нижеопубликованное письмо от 21 августа 1902 года является ответом русского писателя. Год спустя, в 1903 году, А. Врзал издал сборник своих переводов рассказов С. Гусева-Оренбургского.⁶ Он содержит пять

произведений: *Первые шаги*, *Бедный приход*, *Кахетинка*, *Обида*, *Худая молва*. В предисловии к книжке А. Врзал использовал почти дословно автобиографические сведения, сообщенные ему С. Гусевым-Оренбургским в письме от 21 августа 1902 года. Он пропустил лишь два слова в той части автобиографии, где писатель сообщает, что он снял сан священника „по убеждениям“ (разрядка наша. — Я. М.).

В большей части предисловия, занимающего в целом неполные две страницы, А. Врзал пытается объяснить читателю причины отрицательных явлений в жизни и быту православного духовенства (его эгоизм, стяжательство, эксплуатацию крестьян), изображенных С. Гусевым-Оренбургским уже в его ранних рассказах (ср., напр., образ дьякона Авессаламона в рассказе *Кахетинка*). Он утверждает, что эти недостатки православного духовенства коренятся в несоблюдении им безбрачия. „Какое это имеет влияние на жизнь православных духовных лиц, узнает любезный читатель по рассказам, опубликованным в нашем сборнике“, пишет в предисловии А. Врзал.⁷

Познакомившись с предисловием к чешскому изданию своих произведений, С. Гусев-Оренбургский энергично протестовал против фальшивого изложения идейно-художественного замысла своих рассказов. В письме к А. Врзалу от 15 октября 1903 года он пишет: „Меня только смутило предисловие: я в корне и принципиально с ним несогласен.“ Возникает вопрос, почему С. Гусев-Оренбургский обращается в том же письме к А. Врзалу с просьбой помочь ему найти чешского переводчика для неточных его непропущенных русской цензурой вещей? Не понял ли он, что попал не по адресу? Ответ на этот вопрос не является трудным. В личном архиве А. Врзала находятся письма, посланные им в Россию, но возвращенные ему по невозможности доставить их адресатам. Они подписаны, как правило: „Aug. Vrzal, librairie, Syrovice, p. Rajhrad“, „Aug. Vrzal. V Domaszove u Brna“ и т. п. Таким образом, нужно предполагать, что русские писатели даже не подозревали, что их чешский корреспондент является духовным лицом.

А. Врзал переводил рассказы С. Гусева-Оренбургского и после издания им сборника переводов в 1903 году.⁸ Ему принадлежит свыше десяти переводов произведений русского писателя. Личная библиотека А. Врзала свидетельствует также о том, что А. Врзал основательно познакомился с творчеством С. Гусева-Оренбургского. В ней находятся, напр., три тома рассказов С. Гусева-Оренбургского, изданные товариществом „Знание“ (тт. I, III, IV), далее IV том сборника „Знание“ за 1904 год, содержащий, между прочим, и повесть *Страна отцов* С. Гусева-Оренбургского, и др. Многочисленные пометки на обложках и страницах этих книг, сделанные рукою А. Врзала, свидетельствуют о том, что все эти книги были внимательно прочитаны их владельцем.

Отношение А. Врзала к С. Гусеву-Оренбургскому все ухудшалось. После первой мировой войны А. Врзал издал книгу *Очерки новой русской литературы* (Брно 1926),⁹ в которой дается оценка всего творческого пути С. Гусева-Оренбургского с совершенно консервативных позиций. Интересно, что на два года раньше, в 1924 году, вышел первый чешский перевод лучшей повести С. Гусева-Оренбургского *Страна отцов*.¹⁰ Этот факт сви-

детельствует о новом подходе части чешского общества к русской литературе, опирающемся уже на идеи пролетарского интернационализма.

Давая оценку нижепубликуемых двух писем С. Гусева-Оренбургского прежде всего как материала для изучения идеологического характера чешско-русских отношений в области культуры на рубеже XIX и XX столетий, нельзя упускать из виду, что они могут оказаться интересными и для историка русской литературы данного периода. Они вносят поправки и дополняют наши сведения о жизни и творчестве С. Гусева-Оренбургского. Так, напр., С. В. Касторский утверждает, что С. Гусев-Оренбургский стал священником в 1893 году.¹¹ По словам самого писателя, это произошло, однако, уже в 1892 году. С. В. Касторский также пишет, что писатель родился в семье казака-торговца,¹² но из письма С. Гусева-Оренбургского мы узнаем, что он происходил „из чиновничьей среды г. Оренбурга“. Во всяком случае ошибочным надо признать утверждение С. В. Касторского, что С. Гусев-Оренбургский включил в первый том своих рассказов (изд. товарищества „Знание“, СПб. 1903) „все написанное им до 900-х годов“¹³ (разрядка наша. — Я. М.). Как известно, в этот сборник не вошли некоторые ранние рассказы писателя (напр., рассказ *Первые шаги*, переведенный А. Врзалом уже в 1902 году¹⁴). Из нижеопубликованного письма от 21 августа 1902 года, впрочем, вытекает, что писатель даже не намеревался использовать в первом сборнике „все написанное им до 900-х годов“, а только часть своих произведений из духовного быта.

Оба письма С. Гусева-Оренбургского издаются без всяких изменений содержания и расстановки знаков препинания и правописания. Заменена лишь старая орфография на новую.

I

Редакция¹⁵
ежедневной
„КИЕВСКОЙ ГАЗЕТЫ“
Киев,
Пушкинская, дом № 11.
Телефон № 337

1902. VIII. 21.

Милостивый Государь!

Ваше письмо дошло до меня через редакцию „Журнала для всех“ только недавно. Стяну ответить. Сборника я еще не выпускал и думаю сделать это по осени, если удастся.¹⁶ Говоря „если удастся“ — разумею цензуру. Цензура относится ко мне немилосердно: — режет, сокращает, а чаще и совершенно не пропускает, так что многие тэмы недоступны для обработки. Писал я много рассказов из духовного быта, кроме известных Вам, — в „Сибирской Жизни“, изд. в г. Томске, — за 1899—902 г.г., — так-же в „Киевской Газете“, „Самарской Газете“ и др. Часть их будет использована в сборнике.

Не будете-ли так любезны, Милостивый Государь, — выслать мне тот N чешского журнала, где помещен переведенный Вами рассказ. „Бедный приход“.¹⁷ Буду чрезвычайно благодарен!

Что касается автобиографических сведений, — они не длинны. Происхожу я из чиновничьей среды г. Оренбурга, родился в 1867 году, — воспитывался в Духовной Семинарии, — шесть лет служил по духовному ведомству (с 1892—98 г.) и службу эту, по убеждениям, оставил. В настоящее время живу исключительно литературным трудом. Вот и все, что можно сказать. Но если эти сведения окажутся недостаточными, могу служить Вам с полным удовольствием. Прошу Вас использовать эти данные не в виде автобиографии, — но — биографической справки от Вашего лица. Не откажите так же известить меня, — думаете-ли Вы использовать эти сведения в сборнике или в примечании к переведенному рассказу?

С искренним почтением
С. Гусев-Оренбургский

Адрес: — Киев. Фундуклеевская, 80, кв. 6. На редакцию „Киевской Газеты“ прошу не адресовать.

Сергей Иванович Гусев.

Это письмо состоит из одного листа белой линованной бумаги размером 21,7 см на 28,2 см. Текст написан по обеим сторонам листа тщательно и разборчиво. Обе страницы полностью заполнены.

II

Краков. 1903. X. 15.

Милостивый Государь!

Ваши брошюры и письмо я получил совершенно случайно долго спустя после их выставки. Спасибо за брошюры! Меня только смутило предисловие: я в корне принципиально с ним несогласен. Прошу Вас выслать мне 3—4 брошюрки, а если возможно, о чем-бы я Вас особенно усердно просил, — и того журнала, где помещена „Худая молва“.¹⁸ Может быть есть что-нибудь новое из переведенного Вами и напечатанного? Сообщите, а, если это нетрудно, — вышлите экземплярчик журнала, где что-либо напечатано. В настоящее время вышел том моих рассказов в издании книгоиздательства „Знание“. Адрес мой: Kraków. Ul. Zepartowicza, N 7, u p. Dżidowy. Dla p. Sergius Gusseff. — Не знаете-ли, кому-бы мне уступить для перевода некоторые непропущенные русскою цензурою вещи?

С истинным почтением

С. Гусев-Ор.

Это второе письмо С. Гусева-Оренбургского — почтовая открытка размером 9 см на 14 см. Текст написан лишь по одной стороне открытки. На другой стороне открытки — адрес А. Врзала: „V Domaszove u Brna p-u Aug. Vrzal.“ Здесь находятся также штемпель места сдачи (Krakau — Kraków 6 15/10 1903), штемпель места приема (Domašov — Domaschov 17/10 03). Надпись „почтовая открытка“ дана на трех языках (Correspondenz-Karte — Karta korespondencyjna — Карта кореспонденцияна). Текст написан тщательно и разборчиво.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Краткие сведения об этом собрании писем, о жизни и деятельности А. Врзала в наших статьях: *Неизвестное письмо Д. Н. Мамина-Сибиряка*. Журн. Sborník prací filosofické fakulty brněnské university. Rada literárněvědná, D 11, 1964, стр. 161 и след. — *Интересное собрание автобиографий русских писателей (Из архива Авг. Врзала)*. Журн. Československá rusistika, год изд. IX, 1964, № 3, стр. 167 и след.
2. См. статью проф. Ю. Доланского, *Русские идеологические течения и чешское славяноведение и русистика на рубеже столетий*. В сборнике „К чехословацко-русским отношениям в области идеологии на рубеже XIX и XX столетий“. Acta Universitatis Carolinae, philosophica et historica, № 3, Прага 1964, стр. 11—35 (на чешском языке, с русским и английским резюме).
3. См. о нем в книге: *Dějiny české literatury*, Изд. АН СССР, т. III, Прага 1961, страница 208—209, 377, 553.
4. Государственный архив г. Брно, Ф Е 6, Чех. А 957—1001.
5. *Historie literatury ruské XIX. století*. Dle Al. M. Skabičevského a jiných literárních historikův a kritikův upravil A. G. Stín. Velké Meziříčí 1892—1897, стр. X—XI.
6. *Povídky a kresby S. Iv. Guseva-Orenburgského*. Přeložil A. G. Stín. Серия: Ze života pravoslavného duchovenstva v Rusku, вып. 15, Брно 1902.
7. Там же. Предисловие. (Без пагинации.)
8. См., например, его переводы рассказов С. Гусева-Оренбургского: *Жалоба* (газ. „Hlas“, 1904, № 181—186), *Забора* (газ. „Hlas“, 1910, № 287—288), *Савватий* (газ. „Hlas“, 1911, № 47—58) и др.
9. A. Vrzal, *Přehledně dějiny nové literatury ruské*. Брно 1926, стр. 185.
10. S. I. Gusev-Orenburgskij, *Země otců*. Přeložil Jiří Nový. Прага 1924. Изд. Коммунистické knihkupectví (серия: Lidové romány, т. 18).
11. С. В. Касторский, *Гусев-Оренбургский, Елеонский, Чириков, Скиталец, Муй-жель, Телешов, Сергеев-Ценский*. В книге: История русской литературы. Изд. АН СССР, т. X, М.—Л. 1954, стр. 574.
12. Там же, стр. 574.
13. Там же, стр. 576.
14. Газета „Hlas“, 1902, № 199—206.
15. Адрес редакции „Киевской газеты“ — угловой штамп.
16. Речь идет о первом сборнике рассказов С. Гусева-Оренбургского, изданном в Петербурге в 1903 году товариществом „Знание“.
17. Перевод рассказа напечатан в газете „Hlas“, 1901, № 261—267.
18. Газета „Hlas“, 1902, № 207—213.

Dva dopisy S. Guseva-Orenburgského českému překladateli

V ústřední knihovně filosofické fakulty University J. E. Purkyně v Brně je uloženo 36 dopisů, které napsali 22 ruští spisovatelé konce 19. století a začátku 20. století. Dopisy byly adresovány českému historiku a překladateli Augustinu Aloisu Vrzalovi (1864—1930), který publikoval pod pseudonymem A. G. Stín.

V tomto článku jsou otištěny dva dopisy S. Guseva-Orenburgského A. A. Vrzalovi, který díla ruského spisovatele překládal.